

АНДРЕЙ ХУСНУТДИНОВ

АЭРОФФОБИЯ

**ЭКМО
2020**

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х98

Оформление серии *Марии Коняевой*

Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova
Literary Agency за содействие в приобретении прав

Хуснутдинов, Андрей Аратович.

Х98 Аэрофобия / Андрей Хуснутдинов. — Москва : Эксмо, 2020. — 192 с.

ISBN 978-5-04-108286-4

Сумрачные миры сновидений своей архитектурой напоминают лучшие образцы будущего: польский Essence, в котором существуют гигантские небоскребы с джунглями внутри, китайский Air Monument — орбитальный шпиль для метеорологов, американская Биопирамида — мегатегица для пустынь... Хуснутдинов балансирует на грани между реальным и подсознательным, показывая нам чудеса в образах, порой пугающих и диких, но прекрасных. В лучших традициях Джеффа Вандермеера и антиутопического Пола Остера.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108286-4

© Хуснутдинов А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Моему брату Алексею

Я знаю лучшее средство от бессонницы — вспоминать сны. По мне, и лучшая смерть — уйти спящим, проспать и боль, и ритуальные шепоты разума о предстоянии небывалого небытию. Во сне я заглядываю на тот свет без страха перед болью и неизвестностью. Регулярное упражнение смерти, освежающая прогулка в нее, сон выказывает мне смерть не просто завесой между небом и землей, а целым космосом. Но здесь бывают доступны лишь преходящие, случайные, дикие местности. Сама память об увиденном влачит существование трущобы. Цветение отжитого, руины и тлен еще не жившего, зритель, не отличающий себя от героя, — что это, как не картина душевного недуга, и в чем, как не в забытии, искать спасения от него? И все-таки я не совсем сплю во сне, иначе бы я просто не знал о своем беспамятстве. Не к тому ли предназначено сновидение, чтобы выживать страх смерти из укрытий, где он равно защищен как сознанием, так и безумием, — из моих увечных видов на бессмертие?

Берег

Я погружаюсь в бассейн, не имеющий дальней стенки. Мраморное дно сходит в синь бездны. Среда, что смыкается надо мной, текуча, как вода, и проницаема, подобно воздуху. Я могу дышать ею и опираться на нее. Впрочем, дыхание и движение отныне больше привычка, чем необходимость. Среда сама дышит в моих легких и переносит меня туда, куда я хочу. Смежая веки, я продолжаю видеть, будто с открытыми глазами. По мере того как я нахожу свои чувства либо инертными областями паралича, либо деятельными помехами тому совершенному видению, что составляет мое существо, я избавляюсь от них. Я понимаю, что окружающее заключается во мне и обладает бытием лишь постольку, поскольку я заключаюсь в нем. Бездна радужно распахивается мне. Чем дальше я заплываю, тем больше наливается — почти чернеет — синева глубин. Это цвет моей тревоги об оставленном берегу. Это память о том, что держалось мной. Но мое колебание недолго. Я нисхожу во тьму. Каким бы соленым ни был глоток скорби по утраченному, его нужно сделать, ибо только за ним следует новый бассейн эфира.

Игрушка

Над городом показывается большой пассажирский самолет. Он только взлетел, нос поднят, но, вместо того чтоб продолжить набор высоты, переворачивается и падает. Обшивка блестит, словно кожа вылетевшего из воды дельфина, строчки иллюминаторов вспыхивают, как гирлянды. При столкновении восхитительного чудовища с землей у меня подкашиваются ноги, но вместо взрыва в точке падения брезжит нечто вроде фонтана из конфетти. Я смотрю на эту сдувающуюся радугу, затаив дух, как смотрит малолетний именинник на коробки с подарками, что вносят к нему в комнату. То есть я знаю, что, если брать катастрофы вот так, снаружи, в них никто не гибнет. В них участвуют игрушечные существа, отличные от людей тем, что являются людьми — верно, по тому же закону поверхностности, по которому и сами крушения считаются крушениями — только снаружи. Их жизнь и гибель тоже ненастоящие, игрушечные. Они не умирают, а лишь рассыпаются, подобно конфетти. Собрав, их опять набивают в самолетные трубки, под очередного именинника, и они разгоняются, чтобы ударить новым фонтаном.

Зыбь

Юрмала находится на полосе морской суши между двумя беспроглядными туманностями. Море не приливает к земле, но, выписывая меандр, течет вдоль берега из мглы во мглу, точь-в-точь как обрамленная рельсами и асфальтом река с другой стороны местечка. Далее земля только предполагается. Люди, словно радуги, обнаруживаются в Юрмале лишь на достаточном расстоянии, и дома, хотя выглядят благоустроенными, на деле необитаемы и затхлы. Этой ночью в гостиничном коридоре, куда я выглянул оттого, что погас свет, меня, даже пьяного, сразил запах йода и потрохов. Я стоял на пороге и, думая, что кого-то зарезало поездом, уже не помнил, зачем вышел. Половицы поскрипывали. Мимо двери, тяжело, как на последнем издыхании, ползла русалка. Низ ее венчался не одним, но множеством хвостов, мочалом, которое тянулось и липло к полу, словно выпущенные внутренности. Она едва взглянула в мою сторону. Не знаю, чего стало больше в моем испуге — страха или гадливости, но что чудовище не выказало ни малейшего чувства при виде меня, следовало понимать просто: мы были не свидетелями какого-то срыва, а соучастниками преступления. Я оказался слишком близко от того, что издали сошло бы за человека. Залог

жизни в Юрмале — соблюдение дистанции зрения. Все прочие способы пребывания немислимы тут и относятся к туманным перспективам инобытия, к горизонту. Электрички, как и приливы, курсируют между туманностями порожняком. Никто никого не ждет на вокзалах. Бывают исключения вроде меня, и все это, опять же, проходимцы, считающие себя героями лишь в силу самообмана, что зрение подразумевает видящего.

Долг

Краем горной равнины, срезанной по левую руку пропастью и по правую загороженной гребнем стены, я иду из одних монастырских ворот в другие, выходящие на другой край плато. Я не знаю ни того, когда начался мой путь, ни того, сколько он продлится. Стена монастыря, к чьей темной братии я принадлежу, то надвигается, заслоня полнеба, то уползает к горизонту. Меня давит сознание какого-то баснословного долга Богу, и чем дальше, тем больше дорога уподобляется падению, как если бы плоскогорье не обрывалось бездной, а переходило в нее. Чтобы замедлить сползание, я с силой тычу посохом в землю и пытаюсь понять, что же представляет собою мой баснословный долг Богу. Спасительная мысль брезжит за воспоминанием о монастырской казне — кому-то было откровение про золото, что от него возгорятся камни, — и захватывает меня, когда я обнаруживаю, что потерял дорожный кошель. В ворота на другой стороне мне предстоит войти именно с этой благой вестью: мы должники не оттого, что не делимся нажитым, а оттого, что наживаем одолженное. Начинается дождь. Перехватив посох, я прибавляю шаг.

Ковчег

Аэропорт. Тьма в окнах. Я опаздываю на рейс. С моим багажом неразбериха. Его только что принесли на конвейер и уже не могут найти, чтоб повесить бирки. Я должен спуститься в подвалы и сам искать свои чемоданы. Аэропортовское подземелье необозримо. Самодвижущиеся дорожки с окольцованной кладью продолжают тут эстакадами вроде американских горок. Время от времени слышится громовой шум то ли метropоездов, то ли водных потоков. В составленных штабелями конурах спят под капельницами дикие и домашние животные. Пахнет нечистотами и солидолом. Мой путь лежит через уборную с сидящей в дверях старухой. Отдав монетку, я иду по кафельному ущелью между рядами унитазов, душевых кабин, пожарных шкафов и магазинных витрин. Старуха встряхивает стаканчиком с медью и кричит, что мне еще повезло. Я поневоле ускоряю шаг. Уборная продолжается залом, где идет сортировка багажа. Среди служащих в дымчатых комбинезонах мелькают змееголовые твари, а среди баулов проскальзывают голые человеческие тела, окольцованные, как и прочая поклажа, багажными ярлыками. «Это, — поясняет старуха, чей голос я продолжаю слышать, несмотря на

Аэрофобия

изрядное удаление, — это всё те, которые думали, что спасутся без нас». Наконец я схожу в последний этаж. Перехваченный шпангоутами, он тонет во тьме. Пол вибрирует, проваливается под ногами. Догадка, что я нахожусь в трюме, тревожит и баюкает меня одновременно. Взлетная полоса, являющаяся на деле верхней палубой, конуры с животными, змееголовые сортировщики, люди в клади, платная стража в дверях — все встает на свои места. Помешкав, я снимаю с себя одежду и влезая на бегущую дорожку конвейера, который достигает тут нижней мертвой точки.

Вакуум

Пущенная в пустоту, затмевающая звезды ступенчатая гряда. Тяжеловес. Набитые неизвестно чем, опечатанные трюмы. Экипаж — профессионалы, но в своем роде. Рабочие тунейдцы. По договору найма, «операционные поля свободного мозга» человека закрепляются за «соответствующими» секторами электронного мозга корабля. Внутри человека и помимо него работает нечто, что обеспечивает существование среды. Растительные ипостаси человека, взятые сами по себе, упраздняют возможность человеческой ошибки в деле, дают бездонные человеческие ресурсы машине. Обязанности экипажа: нахождение в зоне доступа к «операционным полям» (попросту — где бы то ни было внутри корабля), уход за собой, взаимопомощь, запрет речи. Но однажды кого-то из членов команды находят без сознания, с проломленным лбом. Несчастный бился головой о стену, пока не лишился чувств. Его переносят в лазарет. Робот вскрывает разможенный череп, сообщаясь через мозг машины с «операционными полями» пациента, которые таким образом участвуют в операции. Товарищи раненого глядят из-за стекла. Через несколько часов от его головы остается

мозговая каша, размазанная по столу и склеившая отчасти хирургические манипуляторы. Брызгами крови пополам с костной крошкой загажен и фонарь наблюдательской ложи. Отчет выводится на экраны: «Операционные поля не обнаружили операционные поля». С мостика поступают сообщение об аварийном открытии грузовых отсеков и приказ экипажу разойтись по каютам. Корабль идет себе дальше, но день спустя другой человек с пробитой головой попадает в операционную. Все повторяется с той разницей, что сбой дает система охлаждения трюмов, из нижних отсеков начинает тянуть смрадом. Ночью оставшиеся в живых видят один и тот же сон: на их поиск по бесконечным коридорам и колодцам судна отправляется молчаливое существо. Оно похоже на человека, но не живет, как живет человек, а живо, скорее, как растение. В том и заключается его цель, чтобы, став восприимчивым по образу человека, но не одушевившись, под видом человека выйти на след того, кто стоит за человеком, задает его. Откровение это, заставившее двоих разбить себе головы, подвигает остальных на не меньшее безумство: покинуть область «операционных полей», чтобы перезапустить компьютер. Прорвавшись через захваченные тлением горизонты, люди покидают грузовик и удаляются от него, сколько позволяют страховочные тросы. Однако точку невозврата они проходят еще тогда, когда их «операционные поля» теряют сообщение с машиной. Сквозь разлезающиеся борта грузовика и тела самих бегле-

цов проступают острия звездного света. Рубиновые туманности переливаются под расколотыми шлемами. Вслед за тем как испускает дух последний член экипажа, с этой видимой частью Вселенной уничтожается и самый образ существа, захотевшего получить координаты Бога. Звезды не гаснут, а моргают, как свет в доме.

Розница

После загадочного катаклизма весь город изрыт глубокими ямами, как если бы великан ковырял землю ложкой. И как если бы земля была дырчатым сыром, в каждой яме обнаруживаются по несколько вскрытых округлых полостей. И в каждой полости, как в вывернутом наизнанку елочном шаре, помещается роскошная лавка с зеркалами: россыпи золота, сапфировые роговицы циферблатов, сломанные пополам крокодиловые голенища, залежи мехов. Подземные продавцы до нынешнего утра, похоже, не подозревали, что их товар может пользоваться таким спросом на поверхности. Прикрываясь кто куском вулканического стекла, кто сталеварскими очками, они смотрят, как по еще парящим, чреватых оползнями склонам кратеров к ним стекаются покупатели. Когда первая атака спроса спадает, продавцы обращают свои взоры на колеблющихся, заигрывают с ними, потрясая золотыми браслетами и цепями. Меня обещают завалить скидками, зовут «вообще развеяться». Я минуту колеблюсь, но отступаю от ямы, иду своей дорогой. Признательность бесхитростным торгашам перебивается во мне злостью на простодушие собственной алчности: если человека завалить скидками, он и в самом деле может развеяться.